

japans-first-smartphone-dementia-clinic-opens-in-gifu-prefecture-to-address-memory-loss-linked-to-excessive-smartphone-use (access date: 24.07.2025).

Lopez, D. A, Foxe, J. J. and Wijngaarden, E. V. et al. (2024) The longitudinal association between reward processing and symptoms of video game addiction in the Adolescent Brain Cognitive Development Study. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 13, no. 4, pp. 1051–1063.

Submission date: 25.08.2025.

Баринов Владимир Иванович — кандидат культурологии, учитель информатики МОУ «Рязская СШ №4», член Совета молодых ученых и специалистов при губернаторе Рязанской области. Адрес: 391962, Российская Федерация, Рязанская область, г. Рязск, Новорязская ул. 31. Тел.: +7 (915) 611-43-12. Эл. адрес: sedriksakson@gmail.com

Barinov Vladimir Ivanovich, Candidate of Cultural Studies, Teacher of Informatics, Municipal Educational Institution “Ryazhsk Secondary School №4”, Member, Council of Young Scientists and Specialists under the Governor of Ryazan Oblast. Postal address: 31, Novoryazhskaya St., Ryazhsk, Ryazan region, Russian Federation, 391962. Tel: +7 (915) 611-43-12. E-mail: sedriksakson@gmail.com

DOI: 10.17805/zpu.2025.4.10

Великая Отечественная в зеркале исторической памяти: герои и героическое глазами студенческой молодежи

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН, Н. В. ОПЛЕТИНА, Е. А. КОГАН

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Э. БАУМАНА

Статья посвящена исследованию исторической памяти студенческой молодежи о Великой Отечественной войне, ее трансформации в современных условиях.

Исследование подтверждает, что историческая память является не статичным феноменом, а динамичным процессом, зависящим от социокультурного контекста и информационной политики. Память о войне остается устойчивым элементом национальной идентичности молодежи, связанным с патриотическими ценностями. Однако обозначился разрыв между индивидуальной (семейной, локальной) и официальной памятью, транслируемой через СМИ и образовательные институты: доминирующими каналами передачи знаний об историческом прошлом стали публичные источники, а не семейные нарративы. Исследование выявило, что у современного поколения представления о герое и современном героизме гораздо шире и эклектичнее, а подвиги и героизм времен войны выступают идеальными образами, ассоциируясь с экстремальными ситуациями, и не находят применения в современных общественных практиках.

Исследовательские выводы подчеркивают необходимость интегрированного подхода к сохранению исторической памяти, сочетающего традиционные методы (уроки истории, литература) с современными медиаформатами (кино, цифровые музеи). Это позволит удержать интерес молодежи к событиям войны и укрепить связь поколений.

Ключевые слова: историческая память; трансформация памяти; каналы передачи исторической памяти; социальный образ; образ войны; герои и героическое; образ Победы

Человеку необходимо вычищать сознание
от несовершенства.

Ф. Ницше. «О пользе и вреде истории для жизни»

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2000-х гг. в мировой литературе появилось понятие «бум памяти», когда внимание историков, социологов, психологов и других исследователей сосредоточилось на исторической памяти, историческом сознании общества, ставших, по мнению ученых, краеугольным камнем в удержании единства социума и формировании идентичности (Сулимин, 2022; Бордюгов, 2011). Во многом активный научный интерес к проблеме коллективной «национальной памяти» как историческим воспоминаниям этноса был простимулирован ускоряющимся темпом социальных и культурных изменений, что проявляется в определенной степени в общественной и культурной амнезии, когда многие, в том числе и ключевые исторические события и лица, уходят из исторической памяти индивидов. Переформатирование интерпретаций прошлого неизбежно ведет и к нравственным кризисам.

В этот же период в зарубежном политическом пространстве явно обозначились тенденции к переписыванию исторических событий, попытки переосмыслить исторический опыт через призму современных, зачастую эгоистических интересов западных политических элит, историческая память становится объектом манипуляции и фальсификации истории, составной частью информационной войны против России (Сулимин, 2022).

Конфликты вокруг интерпретаций исторических событий обостряются в нестабильные периоды: в условиях общественных флуктуаций социальная среда становится полем для «войн памяти» (Астрид Эрл) как внутри одной страны, так и между разными государствами: в интерпретациях прошлого сталкиваются разные трактовки исторических событий, часто в упрощенной или поляризованной форме (Бордюгов, 2011).

Глобализационные процессы также приводят к столкновению разных культурных и исторических нарративов, становясь конфликтной средой между глобальной и локальной памятью, между универсальными ценностями и традиционными укладами. В таких условиях память о прошлом несет в себе амбивалентный потенциал: она может стать либо ключевым ресурсом для осмысления происходящего, консолидации общества, либо, наоборот, его раскола.

Юбилейные даты дают новый повод к пересмотру итогов Второй мировой войны и роли войны Великой Отечественной в победе над фашизмом. В современном политическом пространстве пересмотр исторических результатов того времени приобретает характер целенаправленной фальсификации, искажающей роль СССР в победе над фашизмом и формировании послевоенного миропорядка. Конструируются альтернативные, политически ангажированные версии прошлого.

Методологически важен в аналитике концепта памяти вопрос-замечание американского социолога-антрополога К. Гирца: «О чьей памяти идет речь?» (Гирц, 2004). Действительно, воспоминания о прошлом варьируются в зависимости от поколенческой, гендерной и социальной принадлежности индивидов, сосуществуя в общественном сознании с различной степенью доминирования.

Особый исследовательский интерес по очевидным причинам представляет молодежь: этап взросления и формирования идентичности играет решающую роль

как в обеспечении преемственности социального воспроизводства, так и в устойчивом развитии общества. В контексте исторической памяти о Великой Отечественной войне актуальной становится проблематика разрыва между живой, коммуникативной (Я. Ассман) памятью, передаваемой через личные и семейные нарративы, и академической историей, усваиваемой в процессе формального образования.

Цифровая среда современного мира, с одной стороны, позволила ввести в научный и общественный дискурс о прошлом массу документальных и иных свидетельств, сформировала новые базы данных, открыла новые каналы информации о прошедшей войне, создавая и демонстрируя образы прошлого. С другой стороны, новые технологии используются в целях распространения фальсификаций, в частности многие компьютерные игры содержат откровенно лживые сюжеты о событиях Второй мировой войны, поведении советских солдат на поле боя, их моральном духе, искажают идеологический контекст событий и образ героя (Волощук, 2022).

Пласт «живой истории» поколений активируют и новые социальные практики типа народной акции «Бессмертный полк» или Обобщенного компьютерного банка данных Министерства обороны РФ, который содержит информацию о защитниках Отечества, погибших или пропавших без вести в годы войны.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуализация изучения исторической памяти как социального феномена приходится на первую треть XX в., хотя представление о памяти как элементе социального бытия всегда присутствовало в рамках различных дисциплинарных направлений.

Одними из первых, кто попытались конкретизировать содержательные характеристики памяти о прошлом, акцентируя ее междисциплинарный характер, были французские исследователи Марк Блок и Морис Хальбвакс. Историк М. Блок предпринял попытку обозначить связи между общественным поведением и исторической наукой. Согласно Блоку, человек осуществляет восприятие окружающего мира через специфические когнитивные фильтры, формируемые его сознанием. В силу исторической изменчивости этого мира сознание индивидов также подвержено изменениям. Оно детерминировано социальным устройством общества, его культурными особенностями, социальной группой, которая формирует его и оказывает влияние на поведение человека (Блок, 2020). Тогда же, в 20-х гг. XX в. французский философ и социолог М. Хальбвакс предложил понятие «коллективная память», и именно с его идеями связывают активацию *memory studies* в исследовательском поле. В дальнейшем, в ходе масштабных социальных динамических процессов был обоснован «мемориальный поворот», развернувшийся на рубеже XX–XXI вв., актуализирующий проблематику памяти не только в исторических исследованиях, но и в социально-гуманитарном знании в целом.

В научном сообществе этот исследовательский трек стали обозначать как «мемориальную эпоху» (П. Нора), что привело к появлению в научном поле большого числа взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга понятий: историческая память, общественная память, культурная память, социальная память и др. Но объединяет их тот факт, что в основе лежит память о прошлом, при этом любое общество обладает особым механизмом, с помощью которого фиксируются его

прошлые состояния и воспроизводятся новые представления о прошлом в целом или его определенных сторон. То есть историческая память обладает внутренней динамикой, связанной с переоценкой ее предмета, перестройкой ее структуры и функций (Кознова, 2000).

Восприятие общего прошлого никогда не является нейтральным отражением исторических событий — оно неизбежно преломляется через призму актуальных запросов общества. Современные исследователи отмечают, что даже в условиях доминирования официальных исторических нарративов и культурно-символических конструктов в общественном пространстве продолжают сосуществовать альтернативные версии прошлого и индивидуальные воспоминания, зачастую вступающие в противоречие с утвержденными канонами (Orianne, Eustache, 2023).

Каковы социальные механизмы реконструкции представлений об общем прошлом? Ключевые фигуры социальной мысли второй половины XX в. — Э. Гидденс, П. Бергер, Н. Луман, П. Бурдьё — рассматривали память как неотъемлемую часть самореференции социальных систем, позволяющую им сохранять идентичность и адаптироваться к изменениям. В частности, Никлас Луман отвергал идею объективной памяти, утверждая, что прошлое всегда интерпретируется через призму текущих системных потребностей. В его понимании память — это не просто хранилище прошлого, а динамическая система, которая селективно отбирает и реконструирует информацию в соответствии с текущими потребностями социальных систем (Луман, 2007).

Значительный интерес, на наш взгляд, представляют исследования коллективной памяти в рамках теории «габитуса» Пьера Бурдьё как системы диспозиций, «вплетенных» в тело и сознание индивида в процессе социализации. Они структурируют восприятие, оценку и действия, обеспечивающие преемственность между прошлым, настоящим и будущим посредством воспроизводства устойчиво структурированных социальных практик. Концепция позволяет интерпретировать коллективную память как механизм, опосредующий взаимосвязь временных измерений. Бурдьё рассматривает социальный порядок как результат материализации коллективной памяти: будучи исторически обусловленным, габитус генерирует индивидуальные и коллективные практики, тем самым воспроизводя историю в соответствии с устоявшимися схемами. Таким образом, концепция габитуса выступает ключевым теоретическим связующим звеном между структурой и практикой (Бурдьё, 1998).

Такой подход продолжает исследовательский трек, обозначенный еще М. Хальбваксом, который утверждал, что память индивида формируется в рамках социальных групп, таких как семья, религия или класс, и индивидуальные воспоминания зависят от коллективных рамок, которые задают групповые нормы и ценности. М. Хальбвакс подчеркивал, что коллективная память не существует в изолированном виде, а восстанавливается через социальные рамки, которые включают в себя образы, символы и нарративы внутри группы (Halbwachs, 1976).

В дальнейшем исследователи уточнили, что память не является атрибутом абстрактного коллектива, но формируется в процессе взаимодействия между индивидами и культурными институтами. А немецкий историк культуры Я. Ассман выделяет коммуникативную и культурную память и уточняет, что связующим звеном между индивидуальным и коллективным опытом выступают социальные образы (Ассман, 2004). В этой связи образы, удерживаемые и проявляемые в исторической

памяти становятся важным ресурсом для изучения и анализа того, как общество сохраняет и интерпретирует свое прошлое.

В российской академической традиции проблема изучения человека и общества в исторической перспективе разрабатывается в рамках парадигм социального конструктивизма и феноменологии. Ярким примером служит коллективная монография ИВИ РАН «Кризисы переломных эпох в исторической памяти», созданная в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов». Авторы подчеркивают динамический характер исторической памяти: непрерывное накопление новых событий, наслаивающихся на предшествующие, формирует изменяющиеся образы прошлого. Прошлое интерпретируется как социальный конструкт, подверженный постоянной реинтерпретации в зависимости от меняющихся социальных условий и дискурсивных практик (Кризисы ... , 2012).

Рассмотренные теоретико-методологические подходы к исследованию феномена исторической памяти позволяют определить его как сложный, многоуровневый процесс и выделить конструкт для исследовательского поиска — социальный образ (габитус) исторического явления или процесса как продукт социальных трансформаций и смены поколенческих парадигм.

Обозначенный дискурс об исторической памяти определил нашу исследовательскую позицию. Предмет исследования — образ Великой Отечественной войны в исторической памяти российской студенческой молодежи, проявление исторической памяти поколения зумеров в представлениях, оценках и ценностях войны 1941–1945 гг.

Объектом эмпирического исследования выступили студенты разных вузов России — участники всероссийского студенческого проекта «Твой ход». Всего было опрошено 2046 человек. Выборка неслучайная квотная (по полу и по федеральным округам). Доля представительниц женского пола преобладает (69%), соответственно доля мужчин составила 31%. Это обусловлено более высокой активностью девушек по сравнению с представителями мужского пола. Возраст опрошенных — 17–28 лет. Среди федеральных округов в наименьшей степени представлен Северо-Кавказский округ, что вызвано более низкой включенностью молодежи этого округа в данный проект. Наибольшую долю составили студенты, проживающие в Центральном ФО (31%).

Методической основой для выявления представлений молодого поколения о Великой Отечественной войне был выбран концепт «образ как социальный феномен коллективного сознания, имеющий рационально-чувственно-интуитивную природу, создающий и аккумулирующий социальные смыслы, способствующий пониманию социокультурных явлений и процессов и формирующий мировоззрение» (Сильнова, 2014).

В ходе анкетирования исследовался образ Великой Отечественной войны — как канва, объединяющая все события, фрейм, в рамках которого разворачиваются представления молодого поколения о событиях того исторического времени. А также такие конструктивные составляющие, как образ Победы, образ Героя, образ Подвига, формирующие целостность мемориальной памяти через представления и восприятия исторических событий, через отношение к символике, фактам, событиям, что в целом и позволяет обозначить эссенциальные поколенческие характеристики российской нации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Опрос показал, что события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. находят отражение в семейной истории подавляющего числа респондентов: ветераны войны и тыла, погибшие на фронтах войны, участники партизанского движения, родственники, находившиеся на оккупированной территории, прошедшие концлагеря или вывезенные на работу в Германию, есть у 87,8% опрошенных студентов. А у 29 человек прадеды до настоящего времени числятся пропавшими без вести. В то же время опрос выявил, что почти 10% респондентов ничего не знают об участии их родственников в великом событии. Данное распределение в целом коррелируется и с ответами про интерес к событиям прошедшей войны: 89,6% опрошенных ответили, что их эти события интересуют, а для 13,1% события прошлого или малоинтересны (9,8%), или не интересны совсем (3,3%).

Для большинства молодежи Великая Отечественная война остается ключевым элементом национальной идентичности: для основной массы опрошенных студентов память о войне актуальна и связана с ценностно-позитивными идеалами подвига и любви к Родине. Патриотизм, основанный на исторической памяти, проявляется в гордости за страну и народ, который сплотился в трудные времена ради победы над фашизмом (70% опрошенных), благодарности к ветеранам за их вклад в Победу (71,4%) и уважении к истории и осознании важности сохранения исторической правды (69,3%).

Обозначенные в исследовании содержательные характеристики позволяют говорить о формировании целостного и многогранного образа Великой Отечественной войны в исторической памяти студенческой молодежи России, который основан на ключевых аспектах, объединяющих эмоциональные, ценностные и исторические компоненты памяти о прошедшей войне у современного студенчества. Для большинства опрошенных Великая Отечественная война — не просто историческое событие, но и глубоко личное и эмоционально значимое явление — битва за существование нашей Родины (38,5%), а также экзистенциальная война против фашизма за свободу и демократию во всем мире (43,0%). То есть образ Отечественной войны воспринимается не только через призму национальных интересов, но и как общечеловеческая ценность, связанная с борьбой за справедливость и гуманистические идеалы. В то же время ее международный контекст отметили только 5,5% опрошенных. Это показатель того, что в массовом сознании студенческой молодежи Великая Отечественная война воспринимается изолированно от глобальных событий Второй мировой войны, что может быть связано с историческими транскрипциями, доминирующими в национальной исторической памяти.

В целом следует отметить сохраняющуюся устойчивость ценностно-исторических репрезентаций Великой Отечественной войны в сознании современной студенческой молодежи, что обуславливается как семейной историей, так и доминирующими публичными нарративами, транслируемыми в общественном пространстве. Несмотря на кардинальные изменения, происходящие в российском обществе за последние 30 лет, базовые параметры восприятия военного прошлого демонстрируют значительную преемственность с предшествующими поколенческими когортами и сохраняют свой духовный потенциал, что и отмечается многими исследователями (Фадеев, 2021; Гоценко, 2020).

В целом образ Великой Отечественной воспринимается молодежью как сочетание трагедии (потери родных и близких) и символа героизма (подвиг старших по-

колений, самоотверженность и патриотизм). Так, среди важнейших фактов, связанных с войной, около половины опрошенных отмечают память о погибших — 48,6%, а 44% респондентов указывают на источники Победы.

Своеобразной фокусировкой, позволяющей обозначить ценностно-нормативную валентность представленных в исторической памяти молодого поколения символов и событий Великой Отечественной войны, на наш взгляд, выступает отношение молодежи к «цене» Победы. Так, более половины опрошенных определяют «цену» Победы как высокую (56%), но оправданную, что отражает понимание значимости жертв ради достижения общей цели. В то же время 22,9% респондентов считают, что цена Победы чрезмерно высока и неоправданна. Исследование показывает, что именно семейные истории играют значительную роль в формировании отношения к войне: студенты, чьи семьи напрямую пострадали от войны, чаще воспринимают ее как трагедию, осознавая при этом значимость подвига своих предков. Так, среди тех респондентов, у кого в семьях есть погибшие на фронтах или родственники, угнанные в Германию, доля считающих количество погибших неоправданным, несколько выше, чем в целом по выборке.

Интересным можно считать и обозначившийся в ходе исследования региональный аспект — среди студентов — жителей Урала доля тех, кто считает «цену» победы неоправданно высокой, выше (30%), чем среди жителей Центрального (19%) и Северо-Западного округов (20%). Это можно объяснить тем фактом, что уральские семьи были отдалены от эпицентра военных действий, реализуя важнейшую функцию тыла. Интересно, что модификация и реконструкция образов войны в исторической памяти студенческой молодежи осуществляется не только через историю семей, но и через призму регионального опыта. Однако эти различия не разрушают общий образ войны, а дополняют его, подчеркивая многообразие переживаний.

Исследование образа Героя войны, символически репрезентирующего идеалы, ценности и устремления респондентов, которые могут воплощаться в модели для подражания, выявили весьма интересную картину. В условиях современного мира, где память о войне становится важным элементом коллективной идентичности, изучение образа Героя позволяет глубже понять, как молодежь интерпретирует свое прошлое и формирует моральные ориентиры. В исследовании было представлено два вопроса: «Какие черты героев Великой Отечественной войны являются для Вас наиболее значимыми?» и «Какие сферы жизни, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для проявления героизма в современном мире?»

Герои Великой Отечественной ассоциируются у большинства опрошенных с патриотизмом (63%), мужеством (64,7%) и самоотверженностью (58,7). Эти черты воспринимаются как универсальные и вневременные, что, на наш взгляд, позволяет сохранять в том числе и целостность образа войны. При этом можно отметить и региональный аспект. Так, среди студентов Южного федерального округа патриотизм является более доминантной характеристикой Героя, чем среди жителей Северо-Западного округа, что может быть связано с особенностями менталитета и культурно-исторического контекста южных районов России.

В то же время такие качества, активно продвигаемые в современном медийном и художественном дискурсе, как «упорство и настойчивость», «умение принимать решения в сложных ситуациях» и «товарищество и командный дух», не получили значительного отражения в сознании молодежи при интерпретации образа Героя.

Это свидетельствует о том, что современные интерпретации героизма не всегда находят отклик в традиционных представлениях о Герое войны. Вера в свою страну как фактор героизма также не стала значимой характеристикой в представлениях молодежи о Герое войны. Это может указывать как на изменение ценностных ориентиров, так и на то, что героизм воспринимается скорее как личное качество, проявляемое в определенных, как правило, чрезвычайных ситуациях. Именно такой акцент можно увидеть в ответах на вопрос о наиболее актуальных для проявления героизма сферах в современном мире.

Молодежь расширяет понятие героизма, включая в него защиту интересов страны (55,8%), общественно-политическую работу (46,7%) и волонтерство (43,6%). Несущественные различия в репрезентации героического обозначились по гендерному признаку — девушки более склонны видеть героизм в социальной работе и волонтерстве, а представители сильного пола несколько чаще упоминают сферы научных и технологических инноваций. В целом же научные и технологические инновации выступают как пространство для проявления героического только для 24,9% участников опроса, и это несмотря на активную популяризацию научно-технологических и интеллектуальных достижений в современной России. Этот факт можно объяснить несколькими обстоятельствами.

Во-первых, культурные и исторические рамки восприятия героического в российском социуме связаны прежде всего с ситуациями, требующими самопожертвования, преодоления и мужества, в то время как научные и технологические достижения, напротив, воспринимаются молодежью как результат длительной, кропотливой работы, что делает их менее «героичными» в их глазах (Троцук, 2023; Ларионов, 2024). Косвенным подтверждением обозначенного выше тренда может служить и транскрипция образа Подвига у современных студентов как символа исключительных поступков, которые позволяют понять мотивацию людей, их ценности и убеждения. При ответе на вопрос: «На Ваш взгляд, Подвиг — это...» из предложенных суждений абсолютное большинство опрошенных ответили, что это образец самоотверженности и силы духа и напоминание о ценности героизма и жертвенности. Следовательно, и подвиг, и героизм у современной молодежи ассоциируются с экстремальными ситуациями, требующими решительности, принесения себя в жертву и мгновенного принятия решений. А научные исследования, требующие многолетних усилий и не всегда обеспечивающие немедленные результаты, могут казаться менее привлекательными для героизации и подвига.

Во-вторых, несмотря на активную политику популяризации, научные достижения и инновации сегодня часто остаются в тени более зрелищных молодежных событий. При этом медийные нарративы, которые и транслируют ключевые ценности, не нашли своей активной прописки в сетевых и платформенных средствах массовой информации, выступающих важным информационным каналом для молодежи. Возможно, что научные и технологические инновации могут восприниматься молодежью как абстрактные или далекие от повседневной жизни, что не позволяет видеть в них личного или эмоционального значения и снижает их героический потенциал.

В целом у современного поколения представления о герое и современном героизме гораздо шире и эклектичнее, чем это понималось ранее, что требует дополнительного исследования образа героического среди молодежи.

Кроме того, следует иметь в виду, что параллельно с категорией и образами героического в сознании молодежи присутствует антигероическое как отражение сложности и противоречивости человеческой природы и кризиса идеалов, пошатнувшего веру в классического героя. Именно антигероическое составляет содержание целого ряда литературных и кинопроизведений, наиболее популярных среди молодежи по всему миру, предъявляющих образы героев как людей слабых, циничных, депрессивных. Как, например, «Игра престолов» Дж. Р. Мартина (Тирион Ланнистер), «Во все тяжкие» Винса Галлигана (Вальтер Уайт), «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера (Холден Колфилд), «Посторонний» А. Камю (Мерсо) и многие другие.

Более того, не будем игнорировать и такую особенность современных обществ как постгероическое мироощущение, отражающее глубокий скепсис современного человека по отношению к «большим историям».

Наиболее значимым, как показало исследование, становится постепенное исчезновение «живой памяти» — эмоционально насыщенных свидетельств участников и очевидцев событий. Если ранее семейные рассказы и личные воспоминания составляли основу восприятия военного прошлого, то сегодня лишь 14,2% молодых людей имеют возможность получать информацию из первых рук — через общение с ветеранами (7,1%) или рассказы родственников (7,1%). Этот процесс носит объективный характер, связанный со сменой поколений, однако его последствия для формирования исторического сознания трудно переоценить.

Материальные свидетельства военного времени также постепенно утрачивают свою роль в передаче памяти. Среди сохранившихся семейных реликвий преобладают награды (22,3%) и фотографии (28,2%), тогда как уникальные исторические источники, в частности фронтовые письма, встречаются лишь у 9% опрошенных. Примечательно, что почти каждый десятый респондент (9%) указал на полное отсутствие в семье каких-либо артефактов военного периода, а 4,5% вообще не располагают информацией по этому вопросу.

В этих условиях основными каналами формирования исторических представлений о прошедшей войне становятся институциональные источники. Абсолютное большинство молодых людей (75,6%) получают знания о войне через школьные уроки истории, что подчеркивает ключевую роль системы образования в сохранении памяти. Значительное влияние оказывает кинопродукция (58,3%), обладающая мощным эмоциональным воздействием. Художественная литература (36%) и мемуары участников (23,1%) сохраняют свою актуальность, хотя их роль становится менее значимой по сравнению с визуальными средствами передачи информации.

В современном цифровом пространстве телекоммуникационные средства воспроизводства информации широко доступны и обладают высокой валентностью эмоционального воздействия, что делает их эффективным инструментом трансляции исторических нарративов — для 58,3% респондентов кинофильмы, телесериалы выступают важным источником воспроизводства информации о войне. Еще 36% опрошенных студентов отметили значимость художественной литературы в передаче знаний о прошедшей войне, а 23,1% обращаются к мемуарам участников войн. То есть личные истории продолжают быть востребованными в сохранении памяти о войне, воспроизводясь в художественных или публицистических образах, хотя их влияние несколько меньше, чем у визуальных средств и уроков истории.

Приведенные данные свидетельствуют о фундаментальной трансформации механизмов исторической памяти. Если ранее она формировалась преимущественно через межличностное общение и личный опыт, то сегодня доминирующими становятся институциональные и медийные формы репрезентации прошлого. Такой переход неизбежно приводит к изменению самого характера памяти — от эмоционально-личностного к более систематизированному и опосредованному восприятию исторических событий.

Примечательно, что для современной молодежи в возрасте 18–25 лет (составлявшей 85% выборки) музейные пространства остаются важным источником формирования представлений о военном прошлом — этот факт отметили 58,3% опрошенных. Полученные данные свидетельствуют о трансформации способов восприятия исторического знания: наряду с традиционными вербальными формами передачи информации все большую значимость приобретают визуальные, интерактивные форматы, меняющие характер взаимодействия молодого поколения с музейными экспозициями. Современные музеи предлагают иммерсивные технологии, пространственные решения, мультимедийные форматы. В данном случае они выполняют не только образовательную, но и мемориальную функцию, становясь пространством коллективной идентификации.

В целом опрос подтвердил сложившиеся в современном исследовательском пространстве представления о механизмах формировании исторической памяти поколений и показал, что историческая память о Великой Отечественной войне у молодых людей предстает не столько как область воспоминаний, сколько как процесс конструирования прошлого, она в значительной степени зависит от публичных источников, которые формируются в первую очередь информационным полем, задаваемым государственным институтами или поощряемыми ими (школой, СМИ, сетевыми ресурсами).

Использование подхода, сочетающего традиционные образовательные методы (уроки истории, художественная и публицистическая литература, мемуары) с современными медиаформатами (кино, музеи, выставки), позволяет не только сохранить историческую память о прошедшей войне, но и сделать ее более доступной и эмоционально значимой для нового поколения. Это дает возможность сбалансировать общую ситуацию современности, обозначенную П. Норой как утрату равновесия между историей и памятью, объединяя молодежь вокруг ключевых ценностей — патриотизма, героизма и уважения к истории (Франция-память, 1999). Отражением результативности такого подхода может служить социальная активность молодых людей, демонстрирующая высокий уровень гражданской позиции в отношении исторического прошлого. Отвечая на вопрос, в каких мероприятиях, связанных с памятью о Великой Отечественной войне, Вы участвуете, 49,5% отметили участие в Парадах Победы в своих регионах, 54,1% — в поздравлениях ветеранов войны, 52,3% — в шествии «Бессмертный полк».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ трансформации исторической памяти показывает ее изменчивую природу, что требует научного осмысления и системных мер против искажений и забвения. Образ Великой Отечественной войны продолжает играть существенную роль в формировании национальной идентичности российской молодежи, определяя ее культурный код. Изучение образов войны позволяет глубже понять, как об-

щество интерпретирует свое прошлое, формирует моральные ориентиры и транслирует их будущим поколениям. Но процесс требует постоянного внимания для поддержания его целостности и актуальности, использования интерактивных и мультимедийных форматов преподавания в школах и вузах, усиливающих эмоциональное восприятие и вовлеченность молодежи. Важно развивать проекты, которые связывают исторические события с современными ценностями, поддерживать мемориальную политику, расширяя локальные инициативы с участием молодежи — создание музеев, проведение памятных акций, оцифровку архивов, развитие волонтерских движений по увековечиванию памяти участников войны. Это позволит интегрировать память о войне в современный контекст и защитить ее от девальвации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассман, Ян (2004) *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры. 368 с.
- Блок, М. (2020) *Апология истории, или Ремесло историка* / пер. с фр. Е. М. Лысенко. М. : АСТ, Neoclassic. 256 с.
- Бордюгов, Г. А. (2011) «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI. 256 с.
- Бурдые, П. (1998) Структура, габитус, практика // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 1. №2. С. 44–59.
- Волощук, А. В. (2022) Мифы о Великой Отечественной войне в компьютерных играх // *Обзор. НЦПТИ*. №2 (29). С. 53–59.
- Гирц, К. (2004) *Интерпретация культур*. М. : РОССПЭН. 560 с.
- Кознова, И. Е. (2000) *XX век в социальной памяти российского крестьянства* / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М. : ИФРАН. 205 с.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти (2012) / под ред. А. П. Репиной. М. : ИВИ РАН. 336 с.
- Ларионов, А. Э. (2024) Герои и антигерои российской истории в фокусе формирования новых подходов в образовании // *Вестник Государственного университета просвещения*. Серия: История и политические науки. №1. С. 26–34.
- Луман, Н. (2007) *Социальные системы. Очерк общей теории* / под ред. Н. А. Головина. СПб. : Наука. 641 с.
- Франция-память (1999) / П. Нора [и др.] : пер. с фр. Дина Хапаева. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. С. 17–50.
- Сильнова, Е. И. (2014) Концептуализация понятия «социальный образ» в социальной философии // *Современные проблемы науки и образования*. №5. С. 688.
- Сулимин, А. Н. (2022) События Великой Отечественной войны как арена современных «войн памяти» // *Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия*, Саратов, 10–11 ноября 2021 года. СПб. : ООО «Скифия-принт». С. 220–227.
- Тощенко, Ж. Т. (2020) Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // *Социологические исследования*. №5. С. 18–22.
- Троцук, И. В., Субботина, М. В. (2023) Представления россиян о героях и героизме: устойчивые и изменчивые компоненты (по материалам опросов общественного мнения) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. Т. 23. №3. С. 525–545.
- Фадеев, П. В. (2021) Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы // *Вестник Института социологии*. Т. 12. №2. С. 36–54.
- Halbwachs, M. (1976) Les cadres sociaux de la mémoire. In *Les cadres sociaux de la mémoire*. doi.org/10.1515/9783110869439

Orianne, J.-F., Eustache, F. (2023) Collective memory: between individual systems of consciousness and social systems. *Front Psychol.* doi: 10.3389/fpsyg.2023.1238272.

Дата поступления: 16.10.2025 г.

*THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MIRROR OF HISTORICAL MEMORY:
HEROES AND THE HEROIC IN THE EYES OF STUDENTS*

*N. G. BAGDASARYAN, N. V. OPLETINA, E. A. KOGAN
BAUMANN MOSCOW STATE TECHNICAL UNIVERSITY*

The article is devoted to the study of the historical memory of students about the Great Patriotic War, its transformation in modern conditions.

The study confirms that historical memory is not a static phenomenon, but a dynamic process that depends on the socio-cultural context and information policy. The memory of the war remains a stable element of the national identity of young people associated with patriotic values. However, a gap has emerged between individual (family, local) and official memory, transmitted through the media and educational institutions: public sources, rather than family narratives, have become the dominant channels for transmitting knowledge about the historical past. The study revealed that the modern generation's ideas about the hero and modern heroism are much broader and more eclectic, and the exploits and heroism of the war act as ideal images, associated with extreme situations, and do not find application in modern social practices.

The research findings emphasize the need for an integrated approach to the preservation of historical memory, combining traditional methods (history lessons, literature) with modern media formats (cinema, digital museums). This will help to keep young people interested in the events of the war and strengthen the bond between generations.

Keywords: historical memory; transformation of memory; channels of transmission of historical memory; social image; image of war; heroes and heroic; image of Victory

REFERENCES

- Assmann, Jan (2004) *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* / Transl. from Germ. By M. M. Sokol'skaya. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 368 p.
- Bloch, M. (2020) *Apologiia istorii, ili Remeslo istorika* / Transl. from French by E. M. Lysenko. Moscow, AST, Neoclassic. 256 p.
- Bordiugov, G. A. (2011) *«Voiny pamiati» na postsovetskom prostranstve*. Moscow, AIRO-XXI. 256 p.
- Bourdieu, P. (1998) *Struktura, gabitus, praktika. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 1, no. 2, pp. 44–59.
- Voloshchuk, A. V. (2022) *Mify o Velikoi Otechestvennoi voine v komp'yuternykh igrakh. Obzor. NTsPTI*, no. 2 (29), pp. 53–59.
- Girts, K. (2004) *Interpretatsiia kul'tur*. Moscow, ROSSPEN. 560 p.
- Koznova, I. E. (2000) *XX vek v sotsial'noi pamiati rossiiskogo krest'ianstva*. Ros. akad. nauk. In-t filosofii. Moscow, IFRAN. 205 p.
- Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamiati* (2012) / ed. by L. P. Repina. Moscow, IVI RAN. 336 p.
- Larionov, A. E. (2024) *Geroi i antigeroyi rossiiskoi istorii v fokuse formirovaniia novykh podkhodov v obrazovanii. Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniia. Seriya: Istoriia i politicheskie nauki*, no.1, pp. 26–34.
- Luhmann, N. (2007) *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii* / ed. by N. A. Golovin. St. Petersburg, Nauka. 641 p.
- Frantsiia-pamiat'* (1999) // P. Nora et al. ; transl. from French by Dina Khapaeva. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. Pp. 17–50.

Sil'nova, E. I. (2014) Kontseptualizatsiia poniatiia «sotsial'nyi obraz» v sotsial'noi filosofii. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, no. 5, p. 688.

Sulimin, A. N. (2022) Sobytiia Velikoi Otechestvennoi voiny kak arena sovremennykh «voin pamiatii». In: *Istoricheskaiia pamiat' o Velikoi Otechestvennoi voine: problemy evoliutsii, formirovaniia i vospriiatiia*, Saratov, 10–11 noiabria 2021 goda. St. Petersburg, OOO «Skifiia-print». Pp. 220–227.

Toshchenko, Zh. T. (2020) Chto proiskhodit s istoricheskoi pamiat'iu o Velikoi Otechestvennoi voine? *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 18–22.

Trotsuk, I. V. and Subbotina, M. V. (2023) Predstavleniia rossiian o geroiakh i geroizme: ustoi-chivye i izmenchivye komponenty (po materialam oprosov obshchestvennogo mneniia). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Sotsiologiiia*, vol. 23, no. 3, pp. 525–545.

Fadeev, P. V. (2021) Istoricheskaiia pamiat' rossiian v sotsiologicheskikh oprosakh: osnovaniia, real'nost', problemy. *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 12, no. 2, pp. 36–54.

Halbwachs, M. (1976) *Les cadres sociaux de la mémoire* [online] Available at: doi.org/10.1515/9783110869439

Orianne, J.-F. and Eustache, F. (2023) *Collective memory: between individual systems of consciousness and social systems*. *Front. psychol.* [online] Available at: doi: 10.3389/fpsyg.2023.1238272

Submission date: 16.10.2025.

Багдасарьян Надежда Гегамовна — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, академик РАЕН. Адрес: 105005, Российская Федерация, Москва, 2-я Бауманская ул., 5, стр. 4. Тел.: +7 (499) 263-66-49. Эл. адрес: ngbagda@mail.ru

Оплетина Надежда Витальевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, член Российского общества социологов. Адрес: 105005, Российская Федерация, Москва, 2-я Бауманская ул., 5, стр. 4. Тел.: +7 (499) 263-66-49. Эл. адрес: opletinanv@bmstu.ru

Коган Евгения Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, член Российского общества социологов. Адрес: 105005, Российская Федерация, Москва, 2-я Бауманская ул., 5, стр. 4. Тел.: +7 (499) 263-66-49. Эл. адрес: kogan2502@yandex.ru

Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna, Doctor Philosophy, Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Bauman Moscow State Technical University, Academician, Russian Academy of Natural Sciences. Postal address: 5, 2nd Baumanskaya St., Bldg. 4, Moscow, Russian Federation, 105005. Tel.: +7 (499) 263-66-49. E-mail: ngbagda@mail.ru

Opletina Nadezhda Vitalievna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Bauman Moscow State Technical University, Member, Russian Society of Sociology. Postal address: 5, 2nd Baumanskaya St., Bldg. 4, Moscow, Russian Federation, 105005. Tel.: +7 (499) 263-66-49. E-mail: opletinanv@bmstu.ru

Kogan Evgeniya Aleksandrovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Bauman Moscow State Technical University, Member, Russian Society of Sociology. Postal address: 5, 2nd Baumanskaya St., Bldg. 4, Moscow, Russian Federation, 105005. Tel.: +7 (499) 263-66-49. E-mail: kogant2502@yandex.ru